
Научная статья

УДК 339.9(571.6:510)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-33-40

Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: конфигурации взаимодействия

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, renzin@ecrin.ru

Аннотация. Развитие Дальневосточного региона России в последнее десятилетие было тесно связано с реализацией программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, экономического «продвижения на Восток». В 2013–2021 гг. значительное количество правительственных, отраслевых и региональных программ было посвящено реализации этих задач. В первом квартале 2022 года сильное корректирующее воздействие на этот процесс оказало резкое изменение международных политических отношений, разделение стран – экономических партнеров России на группы, придерживающихся по отношению к ней в разной степени конфронтационных позиций. В результате участие РФ в мировом экономическом взаимодействии и, соответственно, связанные с этим процессы развития национальной экономики стали испытывать многочисленные дополнительные риски и ограничения, генерированные активным санкционным творчеством стран, получивших классификацию «недружественные». Это принципиально осложнило потенциальные возможности трансграничных контактов России, происходящие изменения на внешнем контуре национальной экономики трансформировали роль и место России в международном разделении труда и, соответственно, потребовали формирования новой внешнеэкономической политики как для текущей ситуации, так и для среднесрочной и долгосрочной перспективы. Частью этого процесса становится реформативное изменение международных отношений в Северо-Восточной Азии. С одной стороны, оно требует оперативных изменений в организации трансграничных товарных и финансовых потоков, их ускоренной адаптации к новым условиям. С другой стороны, учитывая прогнозируемую долговременность действия введенных (и, очевидно, ожидаемых в будущем) ограничений в международном сотрудничестве России, необходима системная перестройка экономики Дальневосточного региона. Она потребует переоценки ряда стратегических позиций в региональном развитии, а также осуществления целенаправленных производственных, социальных, инфраструктурных и институциональных преобразований.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восточная Азия, стратегия регионального развития, международное разделение труда, санкционное давление, дезинтеграция

Для цитирования: Рензин О. М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: конфигурации взаимодействия // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (98). С. 33–40. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-2-33-40>

The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: interaction configurations

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute of FEB RAS, Russia, renzin@ecrin.ru

Abstract. The development of the Russian Far East region in the last decade was closely connected with the implementation of the program of Russia's integration into the Asia-Pacific

region, the economic «advance to the East». In 2013–2021, a significant number of government, industry and regional programs were devoted to the implementation of these tasks. In the first quarter of 2022, this process was strongly corrected by a sharp change in international political relations, the division of countries - Russia's economic partners into groups that adhere to varying degrees of confrontational positions towards it. As a result, the participation of the Russian Federation in global economic interaction, and, accordingly, the processes of development of the national economy related to this, began to experience numerous additional risks and restrictions generated by the active sanctions creativity of the countries that received the classification “unfriendly”. This fundamentally complicated the potential opportunities for Russia's cross-border interactions; the ongoing changes in the external contour of the national economy have transformed the role and place of Russia in the international division of labor, and, accordingly, required the formation of a new foreign economic policy both for the current situation and for the medium and long term. Part of this process is the reformatting of international relations in Northeast Asia. On the one hand, it requires prompt changes in the organization of cross-border commodity and financial flows, their accelerated adaptation to new conditions. On the other hand, given the predicted long-term effect of the imposed (and, obviously, expected in the future) restrictions on Russia's international cooperation, a systemic restructuring of the economy of the Far East region is necessary. It will require a reassessment of a number of strategic positions in regional development, as well as the implementation of targeted production, social, infrastructural and institutional reforms.

Keywords: the Russian Far East, the Northeast Asia, regional development strategy, international division of labor, sanctions pressure, disintegration

For citation: Renzin O. M. The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: interaction configurations // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (98). Pp. 33–40. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-2-33-40>

Введение

Проблема экономического взаимодействия Дальнего Востока России с сопредельными странами Северо-Восточной Азии практически на всех этапах освоения и развития региона относилась к числу одновременно и наиболее значительных, и наиболее сложных.

Значительность вытекала из высоких оценок потенциальной возможности использования природно-географического положения региона для сотрудничества со структурами, концентрированными здесь в составе производственных центров мировой экономической системы. Это отчетливо зафиксировано в российских правительственных документах, определяющих действующую стратегию развития Дальневосточного федерального округа. Так, «место Дальнего Востока и Байкальского региона в глобальной экономике невозможно представить

без учета оценки потенциала, тенденций развития и потребностей стран Азиатско-Тихоокеанского региона».¹ Позже к важным конкурентным преимуществам Дальневосточного федерального округа были отнесены «экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона», а также «ключевое расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой»².

Сложность этого процесса тоже была отчетливо обозначена правительством страны. «Для развития Дальнего Востока и Байкальского региона как центра экономического партнерства Российской Федерации с приграничными государствами (с северо-восточными провинциями Китая, Монголией, а также с другими странами Северо-Восточной Азии) необходимо формирование условий...

¹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. С. 4.

² Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. №2464-р. С. 2.

На территории Дальнего Востока и Байкальского региона должны быть созданы мощные экспортно-ориентированные высокотехнологичные производства на уровне мировых стандартов, крупные исследовательские центры. Необходимо уделить особое внимание развитию производств высокой степени переработки, инвестициям в образование, в науку, в образование крупных научных центров в целях создания собственной базы для развития высоких технологий. Немаловажным является создание транспортно-логистической инфраструктуры в целях обеспечения выхода на рынки стран Северо-Восточной Азии».³

Россия в системе международных экономических отношений

Эти задачи и ожидаемые результаты от их решения хорошо вписывались в общемировой тренд экономического развития. Оно происходило в режиме активной реализации имеющегося народнохозяйственного потенциала для получения ценностей и достижения ориентиров, соответствующих национальным интересам участников. Практически безусловной была парадигма минимизации затрат на производство благ за счет международного разделения труда, стремительного и опережающего использования для этого научно-технических новаций, достижения за счет этого высоких темпов роста производства и потребления. Интеграция и инновационность для максимизации потребления стали ключевой формулой при определении направленности глобального развития во второй половине XX в. – начале XXI в.

Всё изменилось в 2020-е гг. Они стали для мировой экономической системы периодом неожиданных и крайне глубоких трансформаций, вызванных возникновением новых рисков, резко изменивших алгоритмы национального экономического развития. Сначала пандемийные, а затем политические осложнения привели к разрывам в сложившихся контрактных отношениях, в трансграничных производственных цепочках, в традиционно используемых логистических маршрутах. В этих условиях внешнеэкономическая

политика стран начала не просто эволюционировать под воздействием происходящего, но по ряду составляющих стала меняться кардинально.

Одним из генеральных направлений таких изменений стала резко возросшая конфронтационность между крупнейшими мировыми экономическими державами. В частности, она стала реализовываться (что, с большой вероятностью, будет продолжаться в обозримой перспективе) через осуществление одними странами по отношению к другим крупных санкционных программ, построенных на введении ограничений в осуществлении международной экономической деятельности. Вполне логичные ответные реакции в виде контрсанкций усиливали противодействие стран-участниц. В результате их применения новейшая история глобальной экономики стала характеризоваться, прежде всего, лавинообразным разрушением её системной архитектуры, изменением функциональных ролей отдельных стран и регионов, отказом ряда сформировавшихся в предыдущие периоды международных финансовых и хозяйственных механизмов.

Для Российской Федерации, экономика которой за многие годы плотно инкорпорировалась в международные системы хозяйствования, это стало определяющей причиной принятия важных организационных решений по корректировке своей международной позиции. Взрывной характер жесткого воздействия внешнеполитических рисков генерировал шлейф производных экономических, финансовых и социальных рисков, и тем самым перевел экономическую политику – как внутреннюю, так и внешнюю – в качественно другое состояние. Это вызвало необходимость реализации новых подходов к развитию национальной экономики, осуществления принципиальных изменений в устоявшихся и казавшихся незыблемыми стратегиях, тактиках и механизмах её функционирования.

Прежде всего, изменилась алгоритмизация принимаемых решений. Ранее логика программных действий национальных экономических властей имела направлен-

³ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. С. 240.

ность от постановки внутренних задач к использованию внешнеэкономических возможностей для их эффективного решения. Теперь планирование и регуляторика имеют прямо противоположное движение: на внешнем контуре экономики возникают проблемы, задаются ограничения и риски для общественного развития, а затем для их преодоления разрабатываются решения о необходимой перестройке процессов формирования, структурирования и использования внутреннего экономического потенциала. Кроме того, высокая скорость и гигантские масштабы происходящих нежелательных внешнеэкономических изменений предопределили необходимость значительной интенсификации управленческих решений по организации противодействия появляющимся тенденциям разрушительного характера.

В целом спектр составляющих новой (постфевральской) экономической политики российского правительства чрезвычайно широк и динамичен. При этом к числу ключевых (и отметим, наиболее дискуссионных) относится внешнеэкономическая проблематика, связанная с возможностями использования старых инструментов и форматов, а также формированием новых вариантов международного сотрудничества.

С одной стороны, возникновение серьезных проблем развития во внешнем контуре российской экономики вызвало и в экспертном сообществе, и во властных структурах, и в функционирующем бизнесе активизацию идеологии отказа от дискредитировавшей себя практики международного сотрудничества. Активно стала обсуждаться необходимость ускоренного перехода к значительно более высокому уровню суверенизации экономического развития, основанного на приоритетности импортозамещения, выхода страны из международных организаций и реализуемых ими глобальных экономических проектов.

Однако, предлагаемый рецепт далеко не однозначен и не универсален. С одной стороны, это доказала экономическая теория международного сотрудничества, согласно которой даже частичная закрытость экономики чревата потерями в эффективности долгосрочного развития [Баллас, 2004. С. 220–232; Блумфилд,

Этьер, 1981. С. 721–745]. С другой стороны, об этом свидетельствует и мировой, и отечественный исторический опыт преодоления чрезвычайных внешних и внутренних рисков, близких к современным как по масштабности, так и глубине воздействия.

Международное экономическое сотрудничество в условиях кризисных ситуаций: российский опыт

В нашей стране при организации хозяйственной жизни в разные исторические периоды использовались кардинально отличающиеся макроэкономические модели. Однако при всех принципиальных отличиях по формам и историческому времени реализации все они в качестве важной составляющей рассматривали участие в этих процессах вариантов международного сотрудничества, с одной стороны, как способа получения для национальной экономики более широкой ресурсной базы и, с другой, для расширения возможностей в реализации имеющегося потенциала.

Это наблюдалось в активный период строительства социализма в СССР в 1920–1930 гг., когда, несмотря на проповедуемый межгосударственный классовый антагонизм, «значительная часть экономистов была далека от мысли об экономической автаркии СССР, серьезно изучала возможности и перспективы участия страны в международном разделении труда» [Всемирная..., 1990. С. 202].

В чрезвычайно сложной экономической ситуации, сложившейся в СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., жесткая мобилизационная модель организации народного хозяйства также дополнялась использованием международных контактов. Как писал председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, несмотря на различие в общественном строе и понимании послевоенного устройства мира, международное экономическое сотрудничество с союзниками дало СССР позитивные результаты [Вознесенский, 1979. С. 489].

Различные версии и механизмы организации международных взаимосвязей для преодоления коллапса в экономике переходного периода и формирования новой экономической системы были широко использованы в период либеральной трансформации России (1991–2000 гг.)

[Аганбегян, 2009; Евстигнеева, Евстигнеев, 2005].

И в современной ситуации официальная позиция по поводу использования международного сотрудничества выглядит скорее конструктивно, чем ограничительно⁴.

То есть как бы институционально не выглядел внутренний контур развития национальной экономики (от директивного планирования до либерального рынка), на внешнем контуре обязательно осуществлялось – даже при очень жестких противоречиях между отечественными и зарубежными системами – формирование работоспособных механизмов для использования возможностей экономического сотрудничества в реализации стратегий развития. Очевидно, что с учетом этих позиций интеграционная повестка для России вовсе не исчерпана. Однако в связи с изменениями ситуации она требует корректировок и обновления, определения новой роли внешней торговли, новых приоритетов в использовании экспорта и импорта товаров, услуг, инвестиций. Этот процесс приобрел особую актуальность, начиная с февраля 2022 г., когда для российской экономики относительно гомогенный ранее глобальный контактный мир раскололся. В одной его части позиционировались страны, официально определенные как «недружественные». На этой платформе объединились около 50 государств мира, среди которых есть более активные или менее активные, но все они определились в проведении решительной ограничительной политики в экономических контактах с Россией. В другой части нового экономического мира находятся государства, которые можно отнести к условной группе «не дружественных», объединяющей страны, которые или дружественно, или лояльно, или, по крайней мере, нейтрально, относятся к продолжению и потенциальному развитию хозяйственных контактов. При этом практически все они отчетливо стремятся к максимально возможному балансированию интересов и рисков, ре-

ализуемых как при экономических операциях с Россией, так и с её санкционными vis-a-vis. Фактически они вынуждено учитывают определенные риски для развития национальных экономик, которые формируются, с одной стороны, в виде угрозы вторичных санкций, исходящих от экономических противников России, и, с другой стороны, от проводимых Россией контрсанкционных мероприятий, связанных с экспортом отдельных технологических и сырьевых товаров.

В соответствии с этой дифференциацией потенциальных экономических партнеров, в современной международной практике необходимо осуществить обособление моделей организации взаимодействия с ними, реализации своеобразного многослойного интеграционного процесса. Следует отметить, что близкую по содержанию, но не такую масштабную и сложную как сейчас, интеграционную проблему в России уже решали. Так, при создании и организации работы ЕАЭС (Евразийского экономического союза) постоянно приходилось преодолевать, с одной стороны, проблемы, связанные с многоаспектной (а иногда и поляризованной) повесткой социально-политического и экономического развития каждой из стран-участниц, с другой стороны, влияющие на них глобальные шоки. Как охарактеризовали этот процесс исследователи, «пожалуй, в мировой истории не было примера становления интеграционного сотрудничества в таких сложных условиях» [Оценка..., 2022. С. 4].

Этот опыт чрезвычайно важен для определения форматов не только общей национальной интеграционной стратегии, но и поиска вариантов реализации её локализованных проектов, включая разработку скорректированной интеграционной политики для такого важного региона как Дальний Восток России.

Дальневосточный вектор международного экономического взаимодействия

Согласно принятой в 2019 г. Стра-

⁴ «Только на основе честной и взаимовыгодной кооперации можно искать выходы из той кризисной ситуации, которая сложилась в мировой экономике» сказал В. В. Путин в ходе международной встречи, «Укрепление высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития» (цитата по: <http://kremlin.ru/events/president/news/68696>)

тегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., эта территория получила статус «приоритетной геостратегической». Это означает, что она имеет «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации», а также «характеризуется специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»⁵.

Международная составляющая решения этих задач реализуется в очень неоднородном, а потому постоянно проблемном регионе Северо-Восточной Азии. В нём в течение нескольких десятилетий формировалась система относительно сбалансированных взаимодействий между кардинально отличающимися по потенциалу и масштабам развитыми и развивающимися экономиками. Китай, Япония, Южная и Северная Кореи, Монголия и Российский Дальний Восток где-то в рамках создаваемых и функционирующих в регионе экономических международных организаций, где-то путем межправительственных соглашений, где-то методом проб и ошибок в бизнес-проектах создали некий контур взаимодействия с периодически возникающими противоречиями и формами их решения.

В 2020-х гг. на смену устойчиво продолжавшегося несколько десятилетий генерального тренда на использование инструментов глобализации и региональной интеграции пришли процессы дезинтеграции и локализации в организации экономических процессов. Дезинтеграционный сценарий в АТР давно прогнозировался не только по политическим причинам, но и как следствие использования различных моделей экономической организации. В результате наблюдения за возрастанием противоречий нами делалась следующая оценка: «вероятен разрыв взаимосвязей, реформатирование контактов в новых конфигурациях и возникновение новой многополярности в Восточной Азии» [Синтез..., 2011. С. 655].

В 2020-х гг. такой сценарий реализовался в полной мере, сначала в виде шоковой реакции на последствия пандемии, затем – разрушения производственных и логистических цепочек, и в продолжение (скорее всего, долговременное), обострения политических рисков. При этом необходимо отметить, что мировой политический риск-профиль до февраля 2022 г. оставался без особого внимания специализированных экономических структур. Даже в конце 2021 г. в списках ожидаемых рисков, сформированных авторитетными международными организациями, «дезинтеграционный риск» не включался⁶. Взрывной характер новых неопределенностей вызвал необходимость изменений в идентификации, оценке и разработке методов минимизации рисков социально-экономического развития как для каждой из стран-участниц, так и всего сообщества Северо-Восточной Азии [Рензин, 2021. С. 8–15].

Для Российского Дальнего Востока возникает ситуация, когда необходимо пересмотреть не только определенную ранее возможность по реализации планов развития сотрудничества (включая оценку рисков, связанных с возникновением трансграничных барьеров и прогнозной длительностью их сохранения), но и выдвигание и запуск новых альтернативных трендов в перспективных траекториях развития самой региональной экономической системы.

Ранее вялотекущее, а ныне активно происходящее смещение вектора политических и экономических интересов России на восток может принести Дальневосточному региону значительные выгоды и одновременно сгенерировать новые риски и проблемы.

Следует отметить, что функционирование экономической системы региона более чувствительно к миграционным и демографическим рискам, чем к любым внешним санкциям. Поэтому в качестве безусловного императива для рассмотрения перспектив развития Дальнего Востока необходимо сохранение и воз-

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р.

⁶ The Global Risk Report 2022.17 Edition. World Economic Forum. 2022. 116 p.; Global Economic Prospects. January 2022. World Bank Group. 2022. 240 p.

можное усиление реализуемых в регионе социально-ориентированных программ, обеспечение опережающего социального развития центров экономического роста.

В свою очередь, перестройку производственной системы, вызванную разрушением внешних кооперативных связей и их исправлением через внутренние решения, необходимо решительно связать с ранее многократно прописанными (и слабо реализованными) направлениями перспективного развития – формированием в регионе новой производственной базы с высокотехнологичными приоритетами. Именно эта цель ставилась в качестве главной для Дальнего Востока и в стратегии развития региона (2009 г.), и в Стратегии пространственного развития РФ (2019 г.), и в Национальной программе развития Дальнего Востока (2020 г.).

По мнению специалистов, это позволит реально изменить конкурентоспособность товаров и услуг, производимых на Дальнем Востоке, как на внутренних, так и на внешних рынках. Пока Дальний Восток – это в основном ресурсодобывающая экономика, которая некоторое время еще будет использовать в международной торговле свой природный потенциал, но с всё меньшей эффективностью. А для поддержания и расширения своих экономических позиций региону следует преодолеть узкую сырьевую направленность экспорта, осуществить диверсификацию промышленного комплекса региона для реального перехода от ресурсной специализации к эффективной высокотехнологичной. Реально «вывести на рынок можно только то, что мы в состоянии эффективно производить» [Минакир, 2022. С. 34]. Пока это природные ресурсы. Но, как показали многочисленные региональные исследования, это может быть и глубокая переработка добываемых сырьевых ресурсов; и производство ряда товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью; и продукция инновационных предприятий.

Безусловных корректировок требует другой базовый для Дальнего Востока аспект развития. Взаимосвязанные ранее задачи по совершенствованию транспортной инфраструктуры, ориентированной

на обслуживание как внутрироссийских товарных потоков, так и международного транзита, стали в определенной степени конфликтными. Санкционное перекрытие объемов отечественной внешней торговли и обслуживающих ее инфраструктурных мощностей на западе страны перевело значительную часть этих потоков на восток, что в целом соответствует макроэкономическим интересам, но одновременно ограничивает транспортные возможности региональных производителей и, соответственно, реализацию ими программ промышленного развития.

Важное место в предстоящих адаптациях программ развития Дальневосточного региона может занять новый институциональный механизм, обеспечивающий как внутреннее развитие, так и потенциальную внешнеэкономическую деятельность. Учитывая сложившуюся дихотомию в распределении потенциальных партнеров «по дружественности», следует согласиться с предложениями о целенаправленном формировании устойчивых каналов внешнеэкономического сотрудничества с дружественными и нейтральными по отношению к России странами. Они должны быть обеспечены комплексом институциональных решений в части логистики, финансовой, особенно страховой поддержки, и т. д. Но одновременно, необходимо рассмотреть варианты экономического взаимодействия с другими потенциальными партнерами, которые в перспективе могут изменить приоритеты в организации сотрудничества с политических на экономические и технологические.

Заключение

Современная ситуация для развития России, включая Дальний Восток, связана с крайне высокой экономической турбулентностью и генерированными ею рисками. Это, безусловно, создает сложности в реализации планов развития региона. Однако, комплекс новых неопределенностей может значительно расширить сценарную вариативность перспективных целей и задач, включить дополнительные механизмы активизации экономического роста, и, возможно, реально изменить традиционные подходы к развитию территориальной экономической системы.

Список источников:

1. Аганбегян А. Кризис: беда и шанс для России. М.: АСТ Астрель. 2009. 285 с.
2. Балласа Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория (New Palgrave) М.: Инфра-М. 2004. 931 с.
3. Блумфилд А., Этьер В. Развитие теории международных экономических отношений // Современная экономическая мысль. М.: Прогресс. 1981. 815 с.
4. Всемирная история экономической мысли. Т. 4. М.: Мысль 1990. 592 с.
5. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Избранные произведения. М.: Изд-во политической литературы. 1979. 606 с.
6. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М.: Наука, 2005. 519 с.
7. Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста // Эксперт. № 20. 16 мая 2022 г.
8. Минакир П. А. О «рапортоёмкости» момента // Федерал Пресс. 2022. № 2. С. 32–37
9. Рензин О.М. Дальний Восток России и СВА: новые проекты и новые риски. Власть и управление на Востоке России №4 (97). 2021, с.8-15
10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050. Владивосток. Дальнаука. 2011. 912 с.

References:

1. Aganbegyan A. (2009) Crisis: trouble and chance for Russia. Moscow: AST Astrel: 285. (In Russ.)
2. Ballas B. (2004) Economic integration *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory (New Palgrave)]. M.: Infra-M: 931. (In Russ.)
3. Bloomfield A., Etyer V. (1981) Development of the theory of international economic relations // Modern economic thought. M.: Progress: 815. (In Russ.)
4. World history of economic thought. T. 4. M.: Thought 1990: 592. (In Russ.)
5. Voznesensky N. A. (1979) Military economy of the USSR during the Patriotic War. Selected works. M.: Publishing house of political literature: 606. (In Russ.)
6. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. (2005) Economic growth: a liberal alternative. M.: Nauka: 519 p. (In Russ.)
7. Kryukov V., Porfiriev B., Shirov A. (2022) Sovereign Growth Memorandum *Ekspert* [Expert]. No. 20. May 16. (In Russ.)
8. Minakir P. A. (2022) On the “report capacity” of the moment *Federal'naya pressa* [Federal Press]. 2022. No. 2: 32–37. (In Russ.)
9. Renzin O. M. (2021) Russian Far East and NEA: new projects and new risks. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia] No. 4 (97): 8-15. (In Russ.)
10. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia 2050. Vladivostok. Dalnauka. 2011. 912 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, The Economic Research Institute of FEB RAS.